

Из дневника 1959 года

Р. Г. Назиров

1959 год

7 января. Среда.

Новостей полно. Шарль де Голль избран президентом Франции. Микоян в Нью-Йорке уже беседовал с Даллесом (неофициальный визит, гость посла Меньшикова), сейчас поехал гулять по штатам, потом встретится с Даллесом и Эйзенхауэром.

Но главное — 2 января наши выстрелили ракету к Луне. Ракета миновала Луну и стала десятой планетой солнечной системы. Это была мировая сенсация!

Витя Торопчин уехал в Красноярск, главным инженером Красноярского участка «Союзантисептик». Муся с новорожденной Леночкой осталась в Уфе. Вряд ли он перевезёт её туда, скорее сам сорвётся через год.

Я работаю, дело идёт не очень хорошо. Требуют проблемных статей, очерков, критических материалов, а я не люблю их писать. С коллективом у меня отношения хорошие, немного лучше отношения с редактором Дашкиным.

Новый год прошёл нормально. Красное вино, столичная водка, старка. (Новоселье в Черниковске у Д. С. Гальперина).

В декабре около десяти дней стояли сильнейшие морозы. По ночам доходило до 50° ниже нуля.

Я начал писать в ноябре — декабре «Записки пессимиста». Начинаются они фразой: «Был скверный майский день...»

10 января. Суббота.

Ожесточённые бои в Алжире. Кровавые столкновения в Бельгийском Конго. Девальвация франка и повышение цен во Франции.

Микоян в Чикаго. Его выступление на встрече с крупными буржуями. Он обедает в доме Эдлая Стивенсона, лидера демократов. Замечательно! Насколько я понимаю, Айк — человек больной, в 1960 году не будет выставляться. Тогда Стивенсон имеет большие шансы стать президентом.

Сейчас я открыл снова книгу Жеромского «Uroda zycia». Попробую перевести портрет Татьяны Ивановны. Он мне очень нравится. В нём проявляется романтичность, рыцарство Жеромского. Вообще в отношении к женщине проявляется мировоззрение писателя.

Едва она показалась в зале, Пётр Разлуцкий ощутил необыкновенное удушье в груди, как бы перерыв дыхания. Татьяна Ивановна была законченно прекрасна. От матери, грузинской дворянки, унаследовала черты слегка кавказские, форму лица и глаз, рисунок бровей и губ, волосы не только глянцево чёрного цвета, но глубокого цвета воронова крыла. Волосы эти были длинные, едва держались на голове рассыпающимся, волнистым снопом. Больше всего однако поражали в её лице — глаза. Эти глаза были бархатно чёрными, со светлой поволокой, которая иногда переходила даже в сапфировый блеск. Таинственные и невыразимые, как ноктюрн, они уклонялись от чужого взгляда, а сами в себе содержали мир красоты. Цвет нижней губы прелестно очерченного рта, один этот цвет, если исключить всю красоту лица, составлял единственное на земле явление, которое очаровывало с первого взгляда и с первого взгляда погружало в неопределённую печаль. Татьяна Ивановна была стройной и высокой, но из того типа красивых и здоровых девушек, которые со временем развиваются в рослых и сильных жёницин.

Когда по представлении ей отцом незнакомых офицеров она уселась, не смутившаяся, но скорее сознательно их не видящая, Пётр Разлуцкий случайно, среди других впечатлений, заметил её руку на зелёном платье и вновь ощутил в себе сдавливающее грудь, сосущее сразу все внутренности чувство восхищения. Эта рука была прекрасна, как осуществлённый идеал, как первый прототип дланей тех статуй, которые века назад высекали из снежного мрамора греческие художники. Недавно в Петербурге по окончании своей школы Пётр один впервые посетил галереи Эрмитажа. Ему случилось тогда мечтать о счастье перед статуей греческой танцовщицы, совершенной копии славного произведения из Ватикана, из залы *delle maschere*. Вот теперь он увидел живую белую руку с пальцами алебастровой прозрачности, округлыми и сужающимися к розовым ногтям — и во второй раз ощутил это омрачающее удивление, мальчишеское неверие в возможность существования явлений такой красоты.

Татьяна Ивановна была одета скромно. Она была не то что несмелой, но какой-то сонной, мечтательно погружённой в себя. Внутренняя весёлость, надменная и снисходительная ирония, собственный мир, основанный на смехе — просвечивал сквозь эту внешнюю мглу как луч. Солнце, падая сквозь большие стеклянные двери, озолотило её щёки и пронизало сноп волос надо лбом чистойшей белизны. Пётр засмотрелся в этот блеск, забылся в созерцании. Глаза Татьяны, отысканные солнечным лучом, замерцали в эту минуту почти бриллиантовым блеском, залоснились этой своей бирюзовой переменчивостью. Через минуту это снова были глаза чёрные, непроницаемые, тёмные. Их глубокий цвет объединялся или контрастировал с белизной щёк, так же как волшебный музыкальный тон объединяется или контрастирует с тишиной, которая есть перед ним и после него. Цвет щёк походил на свежее выпавший снег. В ней были все тайны цветов, когда солнце проникает сквозь снег: — незапятнанная белизна, лазурь, едва начавшаяся из белизны, и восхитительная розовость отблеска вечерней зори. Около век блуждали лёгкие тени, падающие от длинных ресниц. Там-то, в этих тенях скрывалось пугли-

вое юношеское знание. Незаметно проявлялись сны души не ведающей, предчувствующей, жаждущей познания — и исчезали, испуганные, как небесные ангелы, внешней грубостью, жестокостью и земной низостью повседневности».

Вот это портрет женщины. Чувствуется немного, говоря языком Жеромского, *wykwińt i przerych*, но всё же сильно, всё же нравится. Культ женщины — старомодный, но всё же находящий отзвук в огрубевших сердцах двадцатого века. Всё же это трогает — стремление поставить женщину выше элементарной физической связи.

15 января. Четверг.

Из «Юманите» узнал, что Микоян в Вашингтоне, в дипломатическом салоне ожидания, больше пяти минут позировал фоторепортёрам и кинооператорам, сидя на канаве рядом с Даллесом и Михаилом Меншиковым, которого американцы прозвали «смайлинг Майк» (улыбающийся Майк). Под огнём юпитеров (*sunlights*) первый вице-президент Совета СССР и шеф американской дипломатии обменялись несколькими замечаниями. Микоян говорил об активности, проявленной американской прессой, а Даллес о крайне холодной температуре, царившей в это время в Соединённых Штатах.

Затем из дипломатического салона Микоян и Даллес перешли в бюро государственного секретаря, где тотчас началась беседа. С Микояном были Меншиков и советский переводчик Трояновский, с Даллесом — четверо высших чиновников, считая американского посла в Москве. Беседа длилась 1 час 32 минуты.

«Это была полезная беседа», — сказал микоян журналистам. Обсуждались в общих чертах вопросы о Берлине, Германии, разоружении и торговле.

5-го янв. вечером Микоян обедал у Эрика Джонстона, президента киноассоциации Соединённых Штатов.

В воскресенье 4-го января, едва прошло несколько часов после приезда в Вашингтон, Микоян совершил прогулку по улицам столицы. «Это внезапное решение, казалось, застало совершенно врасплох советское посольство. Багричев силился объяснить одному журналисту, что вице-президент Совета намерен немного отдохнуть, как вдруг появился предмет разговора, тепло укутанный, и направился к выходу.

Его сопровождали мадам Тамара Мамедова, атташе по культуре, известная своей красотой и элегантностью, и её переводчик Владимир Бурдин. Все трое прошли уже несколько сот метров, когда посол Михаил Меншиков и Сергей, сын Микояна, наконец догнали их.

Добрых полдюжины агентов безопасности Государственного департамента чуть не упали в обморок, когда увидели Микояна, спокойно идущего по улице. Он первый пересёк черту при встретившемся красном свете, и телохранители, едва оправившиеся от удивления, поспешили занять места впереди и позади него».

«Американские репортёры утверждают, что Микоян, пренебрегая наблюдением за сигналами, несколько раз чуть не был раздавлен и что автомобили останавливались со страшным шумом тормозов, чтобы пропустить его.

Сильный порыв ветра на углу 15 улицы и Нью-Йорк-авеню сорвал фонарь, разбившийся о тротуар в нескольких метрах от вице-президента Советского Союза. Микоян вздрогнул и повернулся спиной к ветру, чтобы избежать осколков стекла, летевших вокруг него.

Живой походкой, не обращая внимания на буревей ветер, Микоян подошёл взглянуть на статую польского героя американской независимости — генерала Костюшко, затем направился к памятнику Вашингтону, где выразил сильное сожаление, что не может подняться (лифт был в ремонте). Он отправился в художественный музей «Согсоп», хохотал перед некоторыми современными произведениями, но зато чрезвычайно восхищался полотнами Коро.»

6 января в Капитолии по просьбе Микояна состоялась его встреча с вице-президентом Никсоном. В свете юпитеров и в треске камер Никсон несколько раз сжал руку Микояна. Он усадил гостя и посла Меншикова за большой стол из тёмного дерева, которым некогда пользовался в Белом Доме президент Вильсон. Завязалась непринуждённая и шутливая беседа через переводчика, тогда как прессу скромно пригласили покинуть салон.

[В тетрадь вклеена статья на польском: Plotki — nie plotki и фотография Анастаса Микояна и Джона Фостера Даллеса из газеты. — Прожито.]

Затем Микоян выехал в Кливленд, миллионный город на берегу озера Эри, где побывал у Сайруса Итона и передал ему подарок Хрущёва: тройку белых чистокровных орловских рысаков с упряжкой.

Посетил он заводы Форда в Детройте, произнёс спич на завтраке у Генри Форда II, напомнил, как сотрудничал с нами его дедушка, старый Форд.

Чикаго. Обеды в деловом клубе, у ветерана встречи на Эльбе Джозефа Половского и у Эдлая Стивенсона.

Микоян приехал в Сан-Франциско. Он посетил Калифорнийский университет, а затем поехал в Голливуд на студию «Парамоунт», побывал в двух съёмочных павильонах, где шла киносъёмка, и беседовал с участвовавшими в них актёрами, в том числе с Марлоном Брандо и Джерри Льюисом. На приёме он встретился и беседовал с режиссёрами, сценаристами и артистами Голливуда.

27 января. На обратном пути Микоян чуть не погиб. Четырёхмоторный «Дуглас» летел над океаном, когда отказал один мотор, потом загорелся второй. Вынужденная посадка на американскую военную базу. Лёгкая паника в Союзе: «Вы не слышали по радио, как он там летит?» — «Он уже в Копенгагене.» — «Скорей бы возвращался.» Одна американская газета сказала, что это был самый важный политич[еский] визит после войны.

Умер писатель Виссарион Саянов.

Сегодня открылся XXI съезд КПСС.

Франко-шведский фильм «Колдунья» (1955), с Мариной Влади.

Общие впечатления.

Необычный съезд. Дружественная солидарность. Доброжелательная критика. Не было разносной критики в адрес многих членов Московской организации, которые ожидали избиения за своё участие в прегрешениях 1956-го года.

Делегаты в гостинице «Москва». Гости — в отеле «Бухарест». Оргкомитет и правление СП РСФСР на Софийской набережной. Там регистрировались.

Съезд открылся 7-го декабря. В 12 ч. в Кремле собралась многочисленная партийная группа съезда. Вёл заседание Козьмин, заведующий отделом лит-ры и искусства ЦК КПСС. Решены венки к мавзолею, к памятникам Горького и Пушкина. Кто-то из Москвы заикнулся: венок на могилу Фадеева. В президиуме произошла маленькая заминка, решили, что не стоит: только что умер Сергеев-Ценский, почтили их двоих вставанием...

В 3 часа дня в Большом зале Кремлёвского дворца начался Учредительный съезд писателей РСФСР. Президиум ЦК.

Доклад Соболева, логичный, интересный, яркий, доказательный. Организованный ныне Союз — корабль, отправляющийся в плаванье.

Тема современности пронизывала весь съезд. Очень большое внимание съезд уделил вопросам мастерства: Конст.Федин, Е. Книпович, глава Ленинградской делегации А. Прокофьев. Язык, изобразительные средства. Книпович ставила в пример и даже цитировала «Владимирские просёлки» Солоухина.

Моральный облик советского человека: преданность партии, вдохновенный труд.

Сергей Михалков и Александр Штейн вернулись из Америки. Михалков выступал на съезде. Антикоммунистической кампании международной реакции нужно представить противопоставить наше художественное наступление: авторская позиция, авторская интонация, своё личное отношение, авторские отступления. Политический памфлет.

Приветственные телеграммы. Из Калмыцкой республики из колхоза Ленина пришла телеграмма от общего собрания: пригласить писателя в свою деревню, писать о современной колхозной жизни. Для писателя готов дом, полное хозяйство. В месяц писателю будут начислять 100 трудодней (а по райкомовской справке в колхозе «Победа» трудодень стоит 30 рублей). Съезд был растроган.

С «Красного пролетария» пришла бригада коммунистического труда. Её встретили и проводили стоя. Бригадир, выступая с трибуны, передал их пожелания писателям. Коммунистич[еский] труд становится одной из «генеральных Линий» нашей литературы.

Автобиография

Родился 4 февраля 1934 года в семье партийного работника. С полуторалетнего возраста живу в городе Уфе. С шести лет начал увлекаться чтением, позже стал сочинять. В школе учился неровно. 28 февраля 1949 г. был принят в ВЛКСМ. В аттестате зрелости у меня

восемь пятёрок — по гуманитарным предметам, остальные четвёрки и две тройки — физика и химия.

По окончании школы поступил в Башкирский госпединститут, позже преобразованный в университет. Будучи студентом, начал публиковать в республиканских газетах «Советская Башкирия» и «Ленинец» рецензии и статьи, посвящённые театру, кино, литературе и живописи. Окончил пединститут в 1957 году. Работал учителем русского языка и литературы в Бишкаинской средней школе Аургазинского района БАССР. В деревне продолжал писать, и в декабре 1957 г. «Советская Башкирия» впервые опубликовала мой рассказ из жизни сельского учителя под названием «Грубая ошибка».

В феврале 1958 года, после десятилетнего пребывания в комсомоле, я был принят кандидатом в члены КПСС.

Летом 1958 г. я был уволен по собственному желанию и поступил на работу в республиканскую молодёжную газету «Ленинец», где работаю и в настоящее время — исполняю обязанности заведующего отделом литературы и искусства.

Пишу на русском языке. Киноискусством серьёзно заинтересовался три года назад. Пишу по преимуществу рассказы — в среднем один в два месяца. Так как все мои рассказы невелики по объёму, для конкурса мной написан специальный рассказ.

В области кино мои вкусы и наклонности не определились. Три фильма в этом году привели меня в восхищение: «Летят журавли» Калатозова, «Идиот» Пырьева и «Смерть велосипедиста» Бардема. Очень люблю «Два гроша надежды» и «Неаполь, город миллионеров».

Жду Вашего ответа.

Р. Г. Назиров.

Г. Уфа, ул. Зенцова, 14, корпус 2, кв. 3.

Знаешь, Ромка, ехали мы на «целину», где «дозарезу нужны люди», а попали в шарашку, где делать нечего. Ставят на силос по 6 человек на машину и — валяем дурака. В деревне сплошная круговая порука среди начальства, не прошибёшь: родня! Кормят жутко. Вообще, странно смотреть на такие порядки. . .

(Из письма Р. Паля от 15 авг. 1958 г. из Калининского отделения Сибайского зерносовхоза, Баймакский район, Башкирия).

Квадратно-гнезд[овым] способом (les dents).

Дома меня ожидает. . .

[В тетрадь вложено сочинение, по-видимому, ученицы автора. — Прожито.]

«Потерянное счастье» Елена Лукьяновна Заслонова. Зилаирский совхоз. Средняя школа.

Может, это была и любовь. Он её уверял в час свиданий, что нет лучше, прекрасней её, справедливей и принципиальней. — Если будешь такой, я вернусь. Не меняйся, оставайся такая, как есть.

Ушёл в армию. Трудно было порою и горько, но получит письмо — и на душе спокойнее. Пишет девушка: верит ему, ждёт, мечтает, надеется, любит. Что бы с ним не случилось, она будет его ждать.

Прошли годы разлуки, влюблённые снова встретились. Она отдала ему свою руку не задумываясь. Но прошла свадьба, прошла и любовь. Что-то отравило радость. Он ввёл девушку в свой дом, мать любезно повстречала сноху, но прошёл месяц, другой... Как-то утром нахмуренный муж молча ушёл на работу, а свекровь, поглядев на неё, начинает учить понемногу: — Ты к родителям в дом не ходи. Муж есть муж, он хозяин до гроба. —

Вечерком говорит сыну: — Ни пошить, ни помыть не умеет. Выбрал жёнущку! Всё бы ей только в нарядах ходить. Смотри, сядет на шею. — Вечерами гулять бы молодым, но старуха диву даётся, всплёскивает руками: муж-то волен, он может ходить, но жена пусть в дому остаётся.

Прошёл год, другой. Теперь он один уходит выпить 100 грамм. Жена стирает, погладит, приготовит и мужа проводит. Но тайком шепчет ему: — Для того ли ты женился, Ванюша, чтобы сделать из меня прислугу? Смеёшься ты, что ли надо мной?

— Уходи, ежели не нравится! На тебе свет клином не сошёлся! — повернулся и вышел.

Прижимает к груди ребёнка, рубашонку мочит слезами. Что делать? Мальчонка растёт! Кто отцом вместо этого будет?

Другой вечер: «Нужна мне жена, если брюки погладить не может!» — надевает приготовленный ею костюм и пошёл.

Однажды сказала ему, что терпеть больше не может. Она тоже человек, она молодая, ей жить хочется. — Со стоном зарыдала над ребёнком. — Ну, и кто ж тебя держит? Иди! — Хлопнул дверь. Потом приоткрыл: — Всё равно, жить с тобой, жалеть тебя не буду. Стоит тебе уйти, завтра же другую возьму.

И ушёл. Вдруг она замолкла, побледнела, платочек свалился. Опустилась на стул и замерла: под сердцем шевельнулся второй.

Как же быть? Уйти? Но кто будет отцом её малышам? Счастье уже потеряно. Но ребёнка он как будто любит (сын похож на него). Постелила постель, прилегла, размышляя: может быть, Ваня к ней изменится? Ведь он её любил!

И опять жизнь идёт по-прежнему. День за днём плотает она слёзы, ждёт перемены в муже, вздыхает о счастье, терпеливо поднимает детей.

— Ну, а он? — Он имеет семью, дома играет только с детьми, всё готово к его услугам, и он спокойно проживает свой век.

Первенец подрастает, для него лучше папы и нет. Он ничего не понимает в трагедии матери.

[В тетрадь подшит рассказ, написанный не почерком автора дневника. — Прожито.]

— Живете на квартире или у вас свой дом?

— Нет. У нас свой дом. Сами построили. Может быть, слышали о инициативном строительстве жилых домов по методу горьковчан? Вот так и мы строились. Трудно было.

Строили после работы, по выходным и праздничным дням. Но зато сейчас живем в своем доме, — гордо и весело сказала она.

Потом она рассказала, как она отдыхает после работы на Волге, как хорошо кататься на лодке по Волге, как поднимается и опускается вода при помощи шлюз и т.д.

Разговор наш длился бы долго, если бы не помешал нам храп рядом лежащей девочки, которая, по-видимому, сладко спала на нижней полке вверх животом. Вдруг её круглые мускулистые руки раздвинулись в обе стороны, туловище выпрямилось и громко зазевала она.

Она была в полосатой рабочей курточке, чуть закапанной пятнами известкового раствора. Платье на ней было синее с белыми горошечками. Короткие нерасчесанные волосы лежали сосульками. На ногах — капроновые чулки, цвет которых совпадал с цветом её кожи ног. Так что, если посмотреть со стороны, то можно сказать, что она была босая. Синие танкетки лежали под полкой.

— Девочка,ю почему едете босые? — шутя спросил я.

— Устали ноги. Шестые сутки в пути. Не знаю, когда доберусь до дома.

Что она давно находится в пути — это сразу было видно по её внешнему виду. Её жирное усталое лицо было не совсем чистое. Поперек шеи тянулись серые полосы высохшего пота. Она дышала тяжело, так как ноздри были забиты вагонной пылью.

— Далеко вы едете? — спросил я её.

— Домой.

— А где дом?

— В Стерлитамаке.

— Откуда едете?

— Из Карелии.

— Из Карелии?

— Да.

— Дома кто есть?

— Мать.

— А отца нет?

— Отца нету.

— В Карелию как попали? Наверное по комсомольской путевке или после окончания десятилетки.

— Нет. Я — не комсомолка. Образование у меня семь классов.

— Ну, а как попали?

— А зачем вам?

— Просто интересуюсь.

— По вербовке.

— Одни были?

— С подругой из Стерлитамака.

— Вербовались в Стерлитамаке?

— Нет, в Куйбышеве.

— В Куйбышеве работали?

— Не работала. Работала я в Стерлитамаке на швейной фабрике. Летом прошлого года я со своими подружками попала под сокращение. Работы в городе не нашла. Тогда вместе со своей подругой уехала в Куйбышев к её знакомым. Там нас не прописали. Дни летели быстро. Денег у нас оставалось мало. Вернуться домой — неудобно. Матери скажут: «Вот, деньги прокатали, а на работу не устроились». Тогда мы решили завербоваться на два года в Карелию.

В конце февраля мы приехали в молодой городок Кондапогау или по-другому называют Кивач. Городок только-что строился. Строители все молодые. . .

Сначала работали на разных работах. Зарабатывали мало — не более 300 рублей. Потом я перешла на железобетонный завод. Там я зарабатывала не менее 700 рублей.

— В вечерней школе учились? — спросил я её, — или, может быть, какие курсы окончили?

— Какое там учение? Э-эх, только! Ведь придешь домой, еле ног таскаешь. Устаёшь на работе, как волк. Но все же подруги говорят, что там я понравилась. А насчёт учебы — и нечего говорить. Курсов и школ никаких нет. Ведь эти вербовщики только обманывают, говорят, что можно приобрести специальность на производстве. Люди по своей специальности не могут попасть на работу.

Эх! Когда я доеду до дома?! Маменька! А мамка, наверное, и не ждёт меня. Она не знает, что я еду домой. Об этом я не писала.

— Ведь заработок-то хватал вам, — сказал я.

— Как так хватал! — сердито сказала она. — Вот поезжайте-ка сами туда, тогда узнаете, как там, хватает или нет. Там же ничего нет. Картошки, например, почти не бывает. А если привезут, то ведро стоит 30 рублей. Правда, рыбы много. Какую хочешь, такую ешь.

— Но, а насчёт остальных продуктов, как?

— Насчет продуктом там нормально. Жиры, макароны, крупы, капуста — это все есть. . .

Но чего же не хватало нашей Рите? Об этом я не буду говорить. Пусть каждый читатель подумает, именно, чего не хватало Рите, чтобы честно трудиться на стройке молодого города Карелии?

— Говорят, что там зима теплая? — спросил я её.

— Эх! Какой вы глупый человек! Еще раз говорю: съездий-ка сам туда, посмотри-ка, чем задавать такие глупые вопросы. Там не зима — ужас! Такие холода, что в туфлях никуда не выйдешь. А ты говоришь: зима теплая.

— А лето хорошее?

— Лето замечательное, особенно сейчас. Вокруг города растет красивый лес, а возле города расположено озеро. Вода в нем чистая, теплая. Сейчас там вся молодёжь купается.

— Клуб есть, да?

— И клуб есть, и красный уголок есть. Вообще, насчёт веселья там неплохо. Танцы бывают каждый вечер.

— Как вас зовут? — спросил я.

— А зачем вам?

— Так, просто, интересуюсь.

— Необязательно.

— Что, боитесь?

— Нет.

— А почему не говорите?

— Ну, Рита! Дальше чего ?!

— А фамилия?

— Не скажу!

— Тогда, скажите: как зовут вашу подругу?

— Ах! Какой вы любопытный человек! Еще раз говорю: вы глупы или что-то другое с вами.

— Ну, скажите, — просил я её тихо.

— Ай-яй! Какой вы человек! Ничего не выйдет. Даже и не думайте. Не скажу. И зачем же всё это вам надобно?

— Хочу познакомиться с вашей подругой, — ответил я.

— Да разве она с вами будет дружить? Не думайте и не тратьте свои нервы. Всё это напрасно. . .

— Почему не будет?

— Да потому, что она ждёт своего ухажора из армии. Вот почему! Ясно?! Да, притом, вы не очень. . . на лицо.

— А когда она приедет?

— Мы с ней договорились так: сначала я приеду, а в конце лета — она. . .

На этом разговор наш был прерван. Через несколько минут мы приехали в Стерлитамак. (Я был доволен) Обе мои спутницы покинули меня в Стерлитамаке. Я был доволен ими. Первой был доволен тем, что она была настоящая трудолюбивая женщина. Второй доволен тем, что с помощью её я получил неплохой материал, хотя основной герой воплощен мною не в положительную сторону. Предполагаю, что данный материал может послужить поучительным [. . .]

24 февраля. Вторник. В начале февраля я был послан в командировку в г. Белорецк, металлургический центр на границе Башкирии с Челябинской областью. Командировка прошла более или менее нормально. В редакции «Белорецкий рабочий» я увидел девушку моих лет, весёлую, румяную, довольно изящную. Кудри спадают ей на блестящие глаза, на щеках непрерывно две ямочки, губы свежие и красные, а нижняя — толще и ярче, как у Грушеньки Достоевского. Зовут её Тамара Васильевна Петелина. Она родилась в Якутии, выросла в Тюмени, окончила университет в Свердловске вместе с нашей Лилей Нечаевой

из «Ленинца» Тамара работает ответсекретарём у того самого Александра Ивановича Козьмина, который в 1957 г. пытался заполучить меня к себе.

Знакомство с Тамарой было для меня радостно. Но настоящего волнения я уже не испытал. Последний раз это волнение было у меня 1 мая 1958 года, ночью, когда я потерял голову от вина и в коридоре схватил за руки гальку Киселёву. . . Кстати, сейчас она донашивает, в начале апреля должна родить. Юрка будет отцом. Уже неинтересно.

Ну, ладно. В Белорецк я летел на «АН-2», очень красиво: сквозь облака просвечивали сосновые леса на засыпанном снегом Урале. Обратно пришлось ехать поездом. Восемь часов пришлось трястись в «собачьем ящике» Белорецкой узкоколейной дороги: настоящий Урал, красота, леса с козами, лосями, медведями и т.д. Узкоколейка доходит до станции Запрудовка. Отсюда берётся билет до Уфы с пересадкой на станции Вязовая . . .

На другой день после моего возвращения редактор вызвал меня. Привычным жестом я одёрнул пиджак, приводя себя в готовность номер один. Однако канонады не последовало. Меня . . . назначили ответственным секретарём редакции «Ленинец».

Это был гром среди ясного неба! Я — секретарь?

Долго я не мог очухаться (и сейчас не очухался). Меня тотчас начали натаскивать на новую работу. Внезапно в воскресенье я заболел (отдал дань моде: грипп правит миром). Сейчас мне стало лучше, и я смог сделать эти записи.

Вообще это повышение. Вместо 930 руб. Оклад 1100 руб. Секретарь — третий человек в редакции. Как я справляюсь с этой работой? И смогу ли вообще писать?

Меня пугает, как много в моей жизни происходит помимо моей воли. Кажутся случайными и «Ленинец», и секретарство. Но, может быть, только мои занятия, книги и писания подготовили возможность для этих случайностей.

Однако писательство моё отдаляется за недостатком времени. Я мог писать, будучи учителем, но как писать на посту ответсекретаря (по идее самый занятой человек в газете)?

«Dookola swiata», nr 264, от 18 янв. 1959 г., под рубрикой «Перспективы 59» («Выдаём тайны будущего») опубликовал фото молодого человека артистической внешности.

«Илья Глазунов является без сомнения самым интересным и одарённым советским живописцем молодого поколения. О его поразительно смелом, экспансивном искусстве пишут в газетах и периодических изданиях многих стран, даже в Чили. Глазунова посещают художники такого масштаба, как мексиканский писатель Амаду. Даже известная звезда Элизабет Тэйлор позировала ему для портрета. Илья, впрочем, портретирует многих послов, аккредитованных в Москве.

Пан Илья Глазунов. — Это, может, будет неубедительно, но прошу мне верить, это правда. Важнейшим событием для меня в 1958 г. была находка иконы XVI века. Я считаю икону матерью современного искусства. Матисс, например, взял от иконы вот столько (Илья показывает палец) и уже стал гигантом. Не выношу натурализма — «цветной фотографии» — но не переношу также чистой абстракции. Живописцы не должны за-

ниматься абстрагированием предмета, только абстракцией духа. Для меня в живописи существуют 4 великих этапа — египетское искусство, икона, Эль Греко и Ван Гог.

В будущем году буду и дальше много писать. Хочу создать три больших цикла — «Сны современных людей», «Иконы» и «Библейских пророков».

Всё интервью. О Глазунове будет отдельный репортаж».

Глазунов — ленинградец, переселившийся в Москву. В 1957 году, если не ошибаюсь, его выставка в Москве имела шумный успех. Журнал воспроизводит его рисунок — «Александр Блок». За его спиной — жирные и нежное девичье лицо с огромными тревожными глазами. Мне нравится.

Михаил Калатозов, создатель фильма «Летят журавли», ставит сейчас «Неотправленное письмо». Диалоги в сценарии написаны Розовым. Оператор, конечно, Урусевский. Героиня — Таня Самойлова. Её партнёр — Смоктуновский, молодой ленинградский актёр, блеснувший в роли князя Мышкина в инсценировке «Идиота». Калатозов прямо называет его гениальным..

Кстати, об «Идиоте». Пырьев всё-таки сделал вторую часть (нет, ошибка — *приписка автора*). Теперь он замышляет «Войну и мир». А Калатозов — «Анну Каренину».

Огромный успех имел в США Микоян. Все газеты подчёркивали «goodwill», т.е. добрую волю мистера Микояна. Ему аплодировали газетчики, а это бывает не часто. Теперь у нас гостит английский премьер Макмиллан в большой белой папаше.

В США готовится поход безработных на Вашингтон. Но вообще рецессия там несколько уменьшилась.

Цифры, принятые XXI-ым съездом, действительно грандиозны. Запланирован огромный скачок. Но пока занятость не полная: работу в Уфе или Белорецке найти нелегко. Зато, как всегда, нужны рабочие руки на восток от Урала.

16 мая. Суббота. Да, как ни смешно, я работаю секретарём редакции уже четвертый месяц и, говорят, справляюсь. Мне это дело понравилось. Газета выходит пока не особенно блестящая (Гальперин отдыхает в Кисловодске), но по временам всё же интересная. Бывают хорошие номера.

В «Комсомольской правде» ирландский драматург старый Шон О'Кейси опубликовал статью «В чистом небе поёт жаворонок». Он уничижительно говорит о современной пессимистической литературе Запада.

«Мелки и мёртвы человеческие души, жизнь не стоит того, чтобы о ней заботиться, земля — это сумасшедший дом, темница, морг — вот их напевы. В каждой фразе они отказывают живому в праве на существование, но сами прилипли к жизни, как плюш к стене. Они калечат жизнь жизнь, как только могут, но вызывают доктора, почувствовав лёгкий приступ насморка. Они служат не тем, кто видит великие перемены и светлое будущее, кто мечтает о весне человечества, как, например, я, хотя я уже стар и сед.»

Далее он пишет о наших книгах, особенно выделяя «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», а также произведения Горького и «Повесть о настоящем человеке».

«Меня увлекает советская литература светлыми надеждами, непоколебимой верой, решительностью, храбростью. . .»

«Но мне кажется, что, рисуя реалистические картины, советские писатели недостаточно полно пользуются красками лирики и юмора. Некоторые подчас пугаются здорового смеха. Они будто скованы — в их описаниях не чувствуется лёгкости в хорошем смысле этого слова. Возможно, им следует позаимствовать лёгкость и юмор у Олега Попова, взять у него то, что он видит и слышит. В советских романах хочется чувствовать стремительность, которую мы видели здесь в плясках ансамбля Советской Армии, и вашу тонкую восхитительную сатиру, которой мы наслаждались, когда у нас выступал Театр кукол Сергея Образцова. Слова могут петь и танцевать, создавая такую же прекрасную картину, какую мы видели здесь по телевидению: девушки из украинского ансамбля танца грациозно и легко кружились по сцене, словно вышивая чудесный ковёр.»

Сравнения несколько наивны, но правильны по сути: наши писатели боятся здорового смеха, боятся лиризма, светлой слезы и взволнованной улыбки. Множатся произведения сырые, тяжёлые, топорные. Их деревянная напряжённость выдаёт насилие, производимое авторами над собой и свидетельствующее о равнодушии к теме.

1 июня. Понедельник. Даллес умер от рака. Состоялся третий съезд советских писателей, где с речью выступил Хрущёв. — Умер Лион Фейхтвангер.

Ничего не пишу. Надо будет через годик уйти из газеты.

Ну, разом, серия любопытных штучек из польских журналов.

«Przekroj» от 1 мая 59 г. В Гаванне устроен кинофестиваль из всех старых фильмов, в которых выступал Эррол Флинн. Дело в том, что этот актёр принимал участие в кубинской революции на стороне повстанцев.

В начале этого года в Испании начались съёмки фильма «Соломон и царица Савская» (американцы экранизируют Библию). Царицу играла Джина, Соломона — Тайрон Пауэр, знаменитый голливудский любовник 30-х годов. Я видел его в «Знаке Зорро» 12 лет назад, если не больше. Во время одной из съёмок его хватил удар, и его едва успели отвезти в больницу, где он и умер. Доканчивали фильм с известным лысым любовником — Юлом Бриннером. Недавно фильм закончили. Джина Лоллобриджида пожертвовала одному обществу благотворительности кусочки пробки, которыми её забрасывали в сцене побивания камнями. Эти кусочки продаются по тысяче песо. Доход предназначен дому для престарелых.

Soppy clown, наш знаменитый Олег Попов, будет играть Кандида в советско-французском фильме по Вольтеру.

«Иностранная литература» № 4 за 1959 г.

Обозрение зарубежной прессы, стр. 233. «Дискуссия о социалистическом реализме». Чешский журнал «Новая мысль» (теоретический орган КП Чехословакии) открыл эту дис-

куссию статьёй «Заметки о художественной характеристике социалистического реализма в литературе». Автор — Радегаст Паролек. Его тезисы:

Обычно основной чертой реализма считают правдивость художественного образа. Бесспорно. «Но критерий правдивости не является специфическим для искусства. Это основной критерий любого вида познания и деятельности, а следовательно, и искусства». Кроме того, о своей эпохе и человеке правдиво рассказывали произведения прогрессивных романтиков в образах аллегорических, фантастических, экзотических и прочих символических (Байрон, Шелли, Лермонтов, Гюго, молодой Горький). «Правдивость — понятие более широкое, чем реализм».

Что ещё кроме правдивости, характеризует реализм как художественный метод?

1) Историческая конкретность. Точная мотивировка — историческая, национальная, классовая и психологическая (Бальзак, Толстой, Ирасек, Шолохов). Место и время действия.

2) Особый способ типизации в пределах исторически конкретного изображения («некоторые критики... думают, что всякий исторически конкретный образ является натуралистическим».)

3) Классический, или по определению Паролека, «программный» реализм XIX века отличается от своего «стихийного предшественника» иным идейно-художественным подходом к характеру человека — человек как существо общественное. Показ его мотивирован общественными условиями, эпохой, национальностью, психологией и физиологией класса. При решении этой задачи реализм использовал достижения классицизма (отношение человека к государству) и романтизма (внутренний мир человека).

4) Ещё одна особенность реализма — его синекдохический способ отражения действительности, анализу которого Паролек в своих «Заметках» отводит специальную главу. Синекдоха — употребление меньшего вместо большего, детали вместо целого; распространённый стилистический приём.

Отталкиваясь от наблюдения Д. Д. Благого, который в книге «Мастерство Пушкина» заметил, что каждое художественное произведение есть распространённая синекдоха, чешский критик проводит стилистическое разграничение произведений объективных, реалистических и субъективных, условных.

«Оно (реалистическое произведение) показывает только часть жизни, в которой отражается сущность целого — эпохи, общества, то есть pars pro toto — часть вместо целого. Я полагаю, что это относится к первому из двух художественных методов, к практике реалистического романа, драмы или рассказа. О втором методе можно скорее сказать, что его основой является распространённая метафора, переносный смысл, что в нём фантастический, вымышленный мир заменяет мир действительный. Таким образом, эти два метода можно назвать синекдохическим и метафорическим.»

Вот очень важное замечание Паролека:

«Часто то, что считают антиреалистическим искусством, является нереалистическим искусством высокой ценности, обладающим положительными идейными качествами.»

ми. Поэтому не имеет смысла противопоставлять реализм и романтизм, как враждебные друг другу явления».

Реализм, даже после победы, существенно обогащался ценными накоплениями «метафорического метода».

«Без романтической школы вообще нельзя себе представить исключительное мастерство психологической мотивировки в произведениях русских реалистов от Тургенева до Чехова».

«Пути, намеченные Пушкиным в «Пиковой даме» и «Медном всаднике» и Гоголем в рассказе «Нос», не были оставлены при дальнейшем развитии русской литературы. . . Короче говоря, старый романтизм как направление был преодолен реалистическим творчеством, но постоянно живым наследием остался опыт этого творческого метода в изображении внутреннего мира человека, его мечтаний и любви, а также некоторые приёмы изображения, которые применяются реалистами в новой функции. . . »

Радегаст Паролек считает ошибкой периода культа личности стремление «втиснуть в социалистический реализм всё социалистическое искусство». Это не одно и то же. Нельзя ставить знак равенства, хотя соц.реализм — «главная, важнейшая часть социалистического искусства»

«В социалистическую эпоху, так же как на протяжении всей истории искусства, будут существовать лишь два метода изображения: синекдохический и метафорический. И при социализме эти два метода будут иметь свой положительный и отрицательный варианты и будут различнейшим образом обогащать друг друга».

Чем же отличается соц.реализм от реализма вообще?

«Основное различие между старым реализмом и реализмом социалистическим — критерий художника, которым является социалистический и моральный идеал, то есть то, что мы называем принципом коммунистической партийности и что впервые так ясно выразил по отношению к литературе В. И. Ленин».

Но разница не только в этом (иначе не было бы повода для дискуссий). Разница есть и специфическая.

Некоторые критики считают, что романы Горького и Шолохова ничем не отличаются от традиционной формы реалистического романа.

«В действительности же дело гораздо сложнее. Следствием возникновения нового социалистического морального и эстетического идеала является и новое решение самых разных специфических художественных проблем. В первую очередь, это важнейшая из всех проблем — изображение человека».

Реалисты и раньше показывали человека как существо общественное, но почти всегда он оставался для них лишь «продуктом развития» общества. «У некоторых писателей и теоретиков, например, у Тэна, Золя, это приводило к некоему детерминистическому фа- тализму». Философия позитивизма.

Но ведь человек — не только продукт общественных отношений, он и активный участник в изменении этих общественных отношений. Таков человек в произведениях социалистического реализма. Искусство соц. реализма «стремится не только художественно отобразить и увековечить мир, но и перестроить его. . . Неотъемлемая часть его метода — поиски в современности этих романтических, героических элементов, являющихся уже сейчас предвестником будущей жизни. Изображение этих ростков коммунизма придаёт произведениям социалистического реализма ясность и притягательность революционной перспективы».

В основе художественного метода социалистического реализма остаются главн. обр. синекдохические черты, но в творчестве соцреалистов больше используются метафорические, фантастические приёмы, как дополнительные элементы, «а также самые различные комбинации обоих видов реализации отношения писателя к действительности». Одни, как Шолохов и Фадеев, чрезвычайно последовательно придерживаются синекдохического метода построения образа и произведения. «Но есть и такие, которые шире пользуются метафорическим методом (Леонов, Паустовский)». «Бывают и такие случаи, когда социалистический писатель пользуется только метафорическим методом. И на это он имеет право, если его произведение служит делу трудящихся».

«. . . К метафорическому принципу тяготеют такие выдающиеся поэты мирового значения, как Пабло Неруда, Назым Хикмет, Поль Элюар, то есть писатели, являющиеся сторонниками социализма. Для беспристрастного учёного ясно, что речь идёт о большой международной школе в социалистическом искусстве». У этой школы нет своего наименования. «Критики, принадлежащие к школе социалистического реализма, стыдливо и с оговорками отводят им место где-то на окраине социалистического реализма. Но именно за этими оговорками и кроется большая проблема».

Мысли интересные. Кое-что «соудруг» Паролек не договаривает, но в основном я с ним согласен.

5 июля. Воскресенье. Интересная, забавная деталька из жизни.

После дождливого июня — палящий июль. Жарко. Высунутые языки собак. Очереди за газированной водой. Томные женщины едут в трамваях купаться. Их платья надеты прямо на купальники, без сорочек, и сквозь лёгкие платья просвечивают ноги.

Жаркий перекрёсток в раскалённом городе. Мягкий асфальт под ногами. Свидание. Трамвай. Лес. Комары. Разбросанная одежда. После первой схватки полежали. Курю. Комары не унимаются.

Вышли на опушку. Здесь нет комаров. Лежим прилично, одетые: здесь недалёко жильё. Женщина лежит на спине, а я на животе (причём частично на её животе). Она заложила руки за голову, и я целую. Кто-то идёт по дороге.

Притворяемся спящими. Она лежит неподвижно, а я засунул нос куда-то в сгиб её руки. Краем глаза я успел заметить: идёт высокий мужчина, на плечах его едет маленькая дочка. Детский голосок что-то спрашивает, а мужчина отвечает: «Тётя умерла, а дядя плачет».

Отец и дочь прошли. Мы двое хохотали в траву. Очень остроумно было объяснение отца, очень правдоподобно объясняло нашу позу. Вот и всё.

Женевское совещание министров иностранных дел (сейчас перерыв).

Советская выставка в Нью-Йорке, в зале «Колизей». Открыл её Фрол Романович Козлов. Он прилетел из Москвы в Нью-Йорк на «ТУ-114» за 11 часов без посадки. Академик Туполев тоже открывал выставку. Её посетили Эйзенхауэр и Никсон.

Небольшое понижение цен (на ряд дорогих вещей). Снижены цены, между прочим, на красное вино и фотоаппараты. Уже неплохо.

Витя Гефтер, мой двоюродный брат, харьковчанин, этой осенью устраивает свадьбу.

6 июля. Понед. В «Юманите» от 8 июня 1959 г. на последней странице фото очень милой голой девушки (прикрывает руками грудь, — снимок поясной). Это «самая красивая натурщица».

[В тетради вырезка из французской газеты с фотографией. Подпись под фотографией: Au cours de la Grande Nuit de Montparnasse a eu lieu l'élection traditionnelle, par un jury de peintres et sculpteurs, du plus joli modele. Cette année, c'est une jeune Vendéenne, Mlle Elyane Tobler, 23 ans, qui a triomphé. Modele professionnel, Mlle Tobler commence également une carrière théâtrale. — Прожито].

«Le plus joli modele. Во время великой ночи Монпарнаса (au cours de la Grande Nuit de Montparnasse) имело место традиционное избрание судом художников и скульпторов (par un jury de peintres et sculpteurs) самой красивой натурщицы. На этот год победила юная вандейка мадмуазель Элиан Тобле, 23 лет. Профессиональная натурщица, м-ль тобле начинает также театральную карьеру.»

Не могу удержаться от искушения вырезать и запрягать среди этих скучных страниц её свежее личико.

В «Unita» огромные заголовки, фотоснимки, портреты молодого Муссолини. Сенсация — открыли, что в 1915 г. Бенито, тогда социалист и редактор «Popolo d'Italia», был платным агентом русского царя.

31 июля. Пятница. Впервые после двух лет работы я в отпуске. Двенадцать дней пробыл в уфимском дое отдыха № 1. Ничего хорошего не было (дожди испортили отдых). Зато я подружился с симпатичным малым (Эдик Канторер, некогда друг Витьки Торопчина).

Муся с дочкой улетела к Витьке в Красноярск. Очень хорошо. Я доволен.

Время от времени встречаюсь со своей женщиной. Мне очень смешно, но её тело, её плоть для меня сейчас важнее всего, заслонили весь мир и целиком определяют все нюансы моего настроения. Но в общем, сейчас это ровное настроение, здоровое, без злобы.

Для четырнадцатого выпуска альманаха я написал рассказ «Верить людям». Рассказчик так себе, но в общем он неплох (по тону, по настроению). Этот осёл в погонах, импозантный и сахарнозубый дурак Иван Сотников, редактор альманаха, вернул рукопись. На первой

странице вверху слева наложена резолюция: «Это нам не годится. И. С.» На последней странице тот же карандаш с его обычной отеческой и лисьей улыбкой начертил:

«Дорогой Роман!

Задуман рассказ неплохо. Но в литературном отношении он ещё слаб, и по языку (стиль надо серьёзно выправить), и по композиции, и особенно по психологии разработки действующих лиц.

Второй рассказ молодого автора должен быть сильнее в номере. Этого пока не чувствуется.

Главное же, нам нужны сейчас рассказы, проникнутые пафосом семилетки. Очень прошу поработать над таким рассказом или очерком.

С глуб. уваж. Ив. Сотников.

26.7.59 г.»

Это документ эпохи. Такие вот всеобщие угодники, — кадящие двум богам, всё ещё делают у нас погоду.

Думаю послать рассказ в журнал «Смена».

«Эпитафия человечеству.

Так назвали новую оперу шведского композитора Карла Биргера Бломдаля «Аниара», действие которой разыгрывается в . . . межпланетной ракете. Когда занавес поднимается, публика видит внутренность космического корабля, летящего с планеты Дорис (подразумевается Земля) в сторону Марса. Пассажиры — беглецы с Дорис; они предпочли двинуться в неведомое и опасное путешествие, чем остаться на родимой планете, уничтожаемой радиоактивным излучением.

Увы — за день до прибытия на Марс Аниара терпит повреждение и выпадает из солнечной системы в таинственное, никем не исследованное пространство. Одновременно электронный мозг передаёт сообщение о полной гибели планеты Дорис.

Пассажиры Аниары, надломленные и близкие к помешательству, пытаются найти забвение сначала в бешеном танце (jitterbug), позже в первобытном культе пола, выражающемся в танцах в зале зеркал. . . Главный инженер умирает. Его тело, удалённое с корабля, стнаоится сателлитом какого-то из солнц. После 24 лет бесконечного путешествия гибнут последние пассажиры, понимая — слишком поздно —, что в уничтоженной отеческой планете человек утратил единственный рай, какой когда-либо был ему доступен.

Пятнадцатиминутной овацией приняли «Аниару» в Королевской Опере в Стокгольме. Критики и публика были потрясены и захвачены. Опера 42-летнего Бломдаля (двухактная, длящаяся два часа) сделано по либретто, написанному на основе космических поэм Гарри Мартинсона. Причудливая и необычная партитура сочетает общепринятую музыку с электронной, а также — в некоторых партиях — с конкретной музыкой. В одном

из фрагментов Бломдаль использует мешанину записей голосов. Эйзенхауэра, Хрущёва, Гитлера, Муссолини и признаний обвиняемых в Нюрнберге. . .

Опера «Аниара» должна быть показана на фестивале этого года в Эдинбурге. На снимке: одна из сцен: поёт капитан «Аниары».

2 августа. Воскресенье. Сегодня несмотря на плохую погоду мы с Машей выехали за город. Расположились на обычном месте в молодой посадке, на моём светлом китайском плаще. После первого раза вдруг обнаружили прямо под руками ежевику и стали её рвать и есть. Даже плащ, оказывается, бросили на ежевику и раздавили несколько год: на плаще остались карминовые кляксы. Но хотя кровь у ежевики красная, сама ягода синяя. . . Когда я выкурил папиросу, на мундштуке остался влажно-голубой след от губ.

Второй заход был бесконечный, прямо-таки сумасшедший какой-то. «Ты меня замучишь сегодня», — говорит Маша. А я молча продолжаю работать. Наконец, ценою сверхестественных усилий мне удалось «облегчить» перенапряжённое тело. После этого я свалился и принялся хохотать. Боже мой, как я смеялся! Ничего смешного не было, просто щенячья радость жизни: в тучах проглянуло солнце, грудь дышала вольно. Свет, воздух, женщина! Когда-нибудь, седым старикашкой, я буду вспоминать этот смех и эту ежевику.

3 августа. Понедельник. В Уфе началась демонстрация итало-американского фильма «Война и мир». Сценарий написали пять или шесть первоклассных итальянцев, самые громкие имена. Постановщик — Кинг Видор, американец. Наташа — прославленная Одри Хепбёрн — очень мила, она покорила всех. Пьера играет костлявый и худой Генри Фонда. Он ничуть не похож на толстовского Пьера по внешности, но актёр первоклассный, даёт правильную трактовку образа — обаятельный чудак, мечтатель, философ. Муж Одри, Мель Феррер, длинноногий американец, играет — в роли князя Андрея — типичного голливудского идеального героя, очень постного и скучного. Прекрасен старый князь Болконский, хороши Долохов и Анатолий Курагин (итальянец).

Элен Курагина — знаменитая Анита Экберг, бывшая мисс Швеция, международная проститутка из мира кино: золотые волосы, массивная грудь и отличные длинные ноги.

Хорошая сцена — пари у Долохова (бутылка рому), хороша ссора за обедом и вызов, очень плох Кутузов и плох Наполеон. . .

Когда я после кино шёл с ребятами по улице Ленина, навстречу прошла маленькая городская психопатка, ещё молодое, несчастное существо. Она, кажется, живёт в «Архирейке» (бандитская часть Уфы между парком Матросова и рекой Белой). За ней шли плотной шеренгой архирейские жиганы. Эта дурочка внезапно хлопнула меня по животу и крикнула: «Клясотока!» Кругом раздался хохот. Первый раз в жизни меня назвали красивым.

Хорошее настроение начинает истощаться. Пора мне что-то писать. Бродил у меня в голове заголовок для рассказа: «Лето в полной силе». Чтобы там была ежевика и бодрое, трубное настроение. Женщина. Дружба. Пена за кормой и ветер в лицо. Запах травы и стрекотание цикад. Надо взяться всерьёз.

Рассказ «Верить людям» я послал заказным письмом в журнал «Смена». Думаю, что НЕ возьмут. То есть, я знаю, что должны отвергнуть, но надежда теплится. Пресловутое: «А вдруг?»...

В Харькове женится мой кузен Витя Гефтер. Он славный малый. Пусть будет счастлив. Я, пожалуй, никогда не женюсь.

10 августа. Понедельник. Видел вторую серию «Войны и мира». Ничего, неплохо для «Парамаунта». Но вообще, конечно, это далековато от Льва Толстого. Буду писать рецензию в «Ленинец».

В Уфе в нефтяном институте было дело, весьма характерное для части молодёжи. Один студент сочинял антисоветские стихи, т.е. антиправительственные. У него был также радиоприёмник, незаконно переконструированный для приёма с десяти метров (дозволенный минимум — длина волны 25 метров). Этот юноша слушал антисоветские радиопередачи. Он переписывался с друзьями — единомышленниками, жившими в другом городе. Видимо, он где-нибудь болтал, то не следует.

Года два назад под видом полужнакомых молодых людей его посетили двое в штатском. Они говорили с ним вежливо, предостерегали его и советовали отказаться от всех этих штук и от антиправительственных настроений. После этого он, этот щенок, написал кровью клятву «никогда не прекращать борьбу за свободную Россию». Эту клятву нашли у него при аресте, в этом году.

Суд был закрытым. Мальчику дали шесть лет (жестоко, пожалуй), но его мать поехала в Москву и добилась пересмотра. Окончательный приговор — три года лишения свободы, с правом заочно окончить институт.

Да, времена всё же меняются. При Сталине этого дурачка сразу бы шлёпнули, ну в лучшем случае дали бы десять лет. В сейчас — не так уж страшно. Тоже, конечно, три года вычёркиваются из жизни, но ведь это нельзя даже сравнивать с прежним. . .

Всем людям нравится, что в сентябре Хрущёв поедет в Америку. Мне кажется, что Никита Сергеевич всё же многому научился на своём высоком посту. И неоспоримо — он самый активный политический деятель последних трёх — четырёх — пяти лет. Огромная энергия. Молодец.

15 сентября. Вторник. Вечер, за окном дождь. Творятся большие дела. Самолёт Хрущёва приближается к США. Событие действительно важное. Это свежо, интересно, это очаровывает.

К самому отъезду Никиты Сергеевича был приурочен пуск второй космической ракеты. На этот раз она воткнулась прямо в лунный диск, где-то в районе моря Ясности, на расстоянии 1/4 лунного радиуса от центра диска. Иными словами, наши сделали заявку на Луну, забросили на неё вымпел с государственным гербом Советского Союза. Это великолепно!

В Башкирии в этом году очень хороший урожай, но дождь сильно помешал уборке, зерно гниёт в валках. Однако всё же собрано очень много.

Только что «Ту-114» совершил посадку на вашингтонском аэродроме Эндрюсфилд. Идёт торжественная церемония встречи, сообщили по радио. Послушаем ещё. Ну, Хрущёв долетел благополучно. С ним семья, Громько, Шолохов и другие.

(Кстати, моя рецензия на «Войну и мир» была опубликована в «Ленинце» от 15 августа 1959 г. и очень всем понравилась.)

... Музыка резко оборвалась. Снова «последние известия». На аэродроме Хрущёва встречали Эйзенхауэр, Христиан Гертер и другие. Церемония встречи продолжается. Сотни журналистов со всего мира.

Сегодня на улице я встретил Галю, жену Юрки Поройкина. Она катала а колясочке свою огромную дочку (они называли её Ириной, при рождении она весила 4 кг с половиной). Очень мило поговорили.

Муся вернулась из Красноярска с твёрдым намерением перетащить Витьку в Уфу.

По радио по-прежнему музыка. Что они там, в Вашингтоне, чикаются? Почему не передают о встрече? Скорее бы, а то надоела музыка (хотя хорошая, светлая, торжественная) ...

Неужели и вправду кончится холодная война? На бирже в Нью-Йорке несколько раз подряд происходили падения военных бумаг.

Вот: Хрущёв и Эйзенхауэр идут по аэродрому. Гимны двух государств. Дети преподносят огромные букеты живых цветов. Гремит орудийный салют. Хрущёв машет рукой, тепло приветствует жителей американской столицы.

В августе в Москве состоялся первый международный кинофестиваль. Прилетела Джульетта Мазица! Демонстрировались «Ночи Кабирии» (фильм её мужа Федерико Феллини) и напумевшая «Хиросима, моя любовь» (поставил её Аллен Рене). Да, кажется, начинается настоящее сближение с Западом. Плохо только с переводами современной литературы.

В Югославии играет турнир претендентов. В 1960 году победитель турнира встретится с Ботвинником. Сейчас впереди Петросян, за ним идут Бенко и Фишер, оставив за собой Кереса, Смыслова и Таля. Олафсон и Глигорич, видимо, не приблизятся к первому месту.

... В субботнем номере «Ленинца», т.е. вчера, внезапно напечатали мой рассказ «Решимость» (в рукописи он назывался «Звезда среди ненастья»). Рассказ довольно посредственный, но некоторым понравился (далеко не так, как моя рецензия «Лев Толстой по-американски»).

Вскоре, очевидно, выйдет 12-й выпуск альманаха «Литературная Башкирия», где напечатан мой рассказ «Перемены в Красногоре». Когда-то его хотели напечатать в «Ленинце», но грубая правка во время вёрстки довела меня до истерики, вследствие чего рассказ сняли с полосы и срочно заменили чем-то. По-башкирски рассказ вышел, мне заплатили 250 рублей. Затем его опубликовали в альманахе: вернее, публикуют, но деньги уже уплачены — 780 рублей. Довольно мизерная плата — но это хорошо, это правильно. Если я захочу подзарабатывать на этом, то мне нужно больше писать, больше работать, больше думать.

Рассказ «Решимость» я подписал псевдонимом Н. Романов.

Сестра Дина приехала на воскресенье из города Салавата, где она сейчас живёт и работает.

Хочется писать, с осенью пришло рабочее настроение, но о чём писать? Сюжетов я складываю очень много, бродя по улицам города или бодрствуя в постели с открытыми глазами, но мне нужно увлечься сюжетом, а это бывает редко. . . Или я просто лентяй?

Часто расхолаживает недостаток обычных практических знаний, потому что для каждого рассказа нужны *realia* — вещи, детали, точные факты. Всё серьёзное думаю: писать рассказы на основе газетных информационных и репортажей. Буду так делать, честное слово! В эту зиму я должен осуществить программу-минимум: два рассказа в «Ленинце» и два в «Советской Башкирии».

2 октября. Пятница. Прилетев из Америки, Хрущёв отправился в Китай на празднование десятилетия. После встречи с Эйзенхауэром — встреча с Мао Цзе-дуном.

Приехал в отпуск Витя Торопчин.

В конце августа я тиснул в «Ленинце» заметку об опере «Аниара» под заголовком «Пахнет мертвечиной. . . » [в тетрадь вложена вырезка из газеты с этой статьей — Прожито.] Вот что пишет об этом же журнал «Иностранная литература»:

Поэма самоотречения и отчаяния

В Стокгольме состоялась премьера оперы «Аниара» композитора К.-Б. Бломдаля. Либретто оперы написано по мотивам одноименной «космической» поэмы крупнейшего шведского поэта Харри Мартинсона. Межпланетный корабль «Аниара» направляется на Марс. На его борту — восемьсот беженцев, спасающихся от атомного излучения на Земле. Неожиданно ракета сбивается с курса: она не может ни вернуться на Землю, ни попасть на Марс и осуждена вечно блуждать в межпланетном пространстве. Люди, находящиеся на борту ракеты, символизируют различные типы, свойства человеческих характеров и стремлений. Женщина-пилот Исагель олицетворяет «абстрактную красоту», танцовщица Дези Дуди — «легкомысленного человека, который спасается от пустоты, отмахиваясь от всего, что не может доставить удовольствия». Слепая поэтесса, проповедующая «культ света», — единственная из пассажиров сохраняет веру в жизнь и душевный мир до самого трагического конца.

Мартинсон утверждает, что своей поэмой он создал «видение нашего времени, изобразил путь жизни, пролегающий через нашу собственную пустоту».

Газета «Ню даг» отмечает, что в произведении шведского поэта сказалось его тревога за судьбы современного мира. Однако в отличие от таких деятелей культуры, как Ф. Жолио-Кюри или А. Швейцер, «Мартинсон не видит выхода из катастрофического положения человечества. Человек будущего у Мартинсона движется к абсолютной пустоте. Поэт мечется в безнадежности, самоотречении и глубочайшем пессимизме».

В том же, сентябрьском номере «Иностранной литературы» внезапно всплыло имя Селина, автора знаменитого в 30-е годы романа «Voyage au bout de nuit».

«Последний номер» правительства: расист Селин выступит по телевидению!» — так озаглавила «Юманите» сообщение об интервью Луи Селина, которое было объявлено в программе предстоящих передач французского телевидения.

Сообщение это вызвало бурю возмущения среди всех честных людей Франции: Луи Селин известен как ярый фашист и коллаборационист, сотрудничавший с гитлеровскими оккупантами и проповедующий в своих книгах расистские и ультрареакционные идеи. «Юманите» присоединилась к протесту прогрессивной французской общественности. . . .

. . . Против предоставления слова Селину выступили также Национальная ассоциация бывших борцов Сопротивления и Национальная федерация высланных, интернированных борцов Сопротивления и патриотов.

Протест общественности увенчался успехом. Луи Селин, заявивший в своё время, что он отдал бы сто тысяч Эйнштейнов за кончик ногтя арийца, вынужден был отказаться от выступления по французскому телевидению.

7 октября. Среда. Смутное, озлобленное состояние. Период деятельного беспокойства без всяких практических результатов. Факторы: 1) с наступлением осенних дождей прекратились наши встречи с Машей; 2) рассказ «Решимость» («Ленинец» от 19 сентября) хуже, чем «Перемены в Красногоре» и «Грубая ошибка» (в деревне легче пишется); 3) нас обманули, не дали нам квартиру взамен отобранной в 1938 году.

Точнее обком даёт нам в новом доме однокомнатную квартиру в 20 квадратных метров на пятом этаже. Мама отказалась. Она права.

Но сильнее всех литературных разочарований действует половая неудовлетворённость. Мне нужно женское тело, с его горячими объёмами, с его кожей, волосами и запахом, живая шевелящаяся плоть, и всё равно, что бы ни лепетали ласковые, зацелованные губы, и что бы ни выражали бессмысленно серьёзные глаза. По ряду причин мы не можем встречаться с Машей. Ни она, ни я не виноваты. Это невозможно. Негде.

Квартира? Что ж, это неплохо, если бы дали двухкомнатную, но это не главное — проживём и в шестнадцати квадратных метрах.

А в мире стоит гул: «Лунник-3» огибает луну! Люди читают газеты, слушают радио, ловят вести о лунной ракете, но работа, женщины, дети больше занимают их.

Не знаю, как же быть: порвать с Машей, признаться ей, что ждать больше чудесного случая не под силу. . . Или сохранить её, терпеливо выжидая?

Седьмое ноябрь не за горами, поглядим, где я буду праздновать, может быть, и придётся встретить что-нибудь подходящее.

А пока, в этой злобной неопределённости, я вступаю в осенне-зимний сезон 1959 года.

